
Единица – маяк, направленность,
Упрощенный путь здесь лишь праведность,
А неправильно все вокруг.
Я касаюсь потертых рук,
На которых прочтешь след мук,
Ощущая всю силу. Я –
Воскресив – хороню любя.

Для кого он пустой, беспочвенный,
Для кого небеса без очереди,
Для кого тишина не музыка,
Веги времени уже стали узкими.

Я кричу в тишину эту мнимую
За тебя, за себя половинную
Или целую – мне без разницы,
Где, и с кем, и когда нам стариться.

Хороводы водить бессмысленно,
Между мной и тобой нет истины,
Между мной и тобой прореха –
Не пройти, не проплыть, не проехать,
Между мной и тобой – спина,
Богу – богово, нам – она.

Цельность весны. Целостность духа.
Тихо окрепнет сон.
Мальчика катит на санках старуха.
Мальчик построит дом.

Дерево ветками тянется к небу.
Ласточку так зовет.
И прорастая в быль или небыль,
Время сквозь нас течет.

Солнце смотрит тобою в темя,
Словно мать бережет тепло,
Чтоб за временем тихо время
Изнутри прорастая, текло.

А синица с тоской по дому
Прилетает и снова летит,
Подарив кому-то другому
Много радости, много обид.

Треск уголька в огне
Теплый навеял сон,
Треск его нашептал,
Что не оставит дом.

Ласточка прилетит,
Песню свою споет,
Дома встречать пора
Тех, кто со мной умрет.

Ласточка вся к огню,
Лишь бы не дать уснуть...
Рядом имея храм,
Богу дать отдохнуть.

Шаг другому шагу вровень,
Заплетенное в косу
И потрепанное в корень
Слово тихое несу.

Слово тихое так громко,
Будто крики журавлей.
Слово тихое так тонко,
Будто иней на земле.

На окне запотелом след –
Это только моя ладонь.
На ладони твоей – огонь,
Разморозивший тусклый свет.

А за ними одна пустота.
Где бы в облаке спрятаться? Боже,
Мне бы только дотронуться кожи,
Мне бы только коснуться уста.

И ничто не успеет уснуть,
Умереть не успеется. Просто
Нет за окнами больше погоста.
Так становится вечным путь.

Спелая мякоть во рту на вкус
Губ твоих поцелуй в висок.
Тихим наглаженным шепотом уст
Произнесенное имя – Бог.
Из самодельных огней небес
Буковку к букве пристроить враз,
Запечатлеть во мгновение срез,
Тоненькой нитью прошитый в нас.
Молча смотреть, проронив слова
Волосом, кожей, ладонью лишь,
Чтоб нам с тобою всегда трава
Молча внимала, пока ты спишь.

Руки – чтоб удержать себя,
Чтобы окрепнуть. Боже,
Так бы соприкасаться тебя
Кожею кожей.

И дотянуться до лампочки ввысь,
Вставши на цыпочки. Долго,
Руку в руке согревая, молись,
Будто в душе иголка.

Бережно, чуть дыша
Ласково, чтоб не дрогнуло
Сердце. Держала шар
Не под твоими окнами.

Маленькая ладонь
Крепче моей руки.
Кончиком пальца тронь,
Взглядом своим окинь.

«Знаешь, глаза не лгут», –
Мне говорила мать.
И почему-то тут
Рядом с тобой дышать,

Ласково сердце греть
Слаще. И будет так:
Шар мы поделим, ведь
Хочется каждый шаг

В шаг твоему ступать.
В шаг твоему ступать.
Мне говорила мать:
«Помнить – не забывать».

Как до порвавшейся дуги,
Так и до слова три шажочка
Ты посчитай. Ты береги.
И точка.

До губ засохших дотянись
Губами, до ладони – пальцем.
И ночь забытую храни
Под одеяльцем.

Пока укутана в снега,
То не снега – сухая глина,
Я будто рваная дуга
Наполовину.

Люблю твою истому,
Как любит воду высь.
С таким давно знакомым
Когда-то мне срастись
В одно; и станет свято,
И каждому тепло
От колющего взгляда,
Опустошая дно
Прохлады пресной. Небо...
Земля... Мой отчий дом.
И он парит над садом –
Зеленоглазый Бог.

По белой руке, по плечу,
По веточкам нервов до мозга,
Чуть сердце скрепя, волочу
Свой сотканный слепок из воска.

Он дышит, как ветер в лесу,
И песню свою переплачет.
А я его снова несу
И где-то внутри перепрячу.
Он песню поет мне о том,
Как многое стало иначе,
Как медленно старился дом,
Как врут на какой передаче.
И снова уснет до поры,
Пока за Исетью надолго
Твои и мои пустыри
Дотронутся каменной Волги.

От каждого пальца руки,
До плеч, закольцованной пряди,
Протянутся родники
По легкой от ветра прохладе.

Над голубой водой
Красным огнем с небес,
Все опалив собой,
Утро целует лес,
Ластится к соснам, пьет
Реки дремучих дум,
Их защищает от
Несоразмерных лун.
Сосны не прячут крон,
Пьют родниковый зной.
Зною из всех имен
Имя дано – Родной.

Спелый, зеленый, чистый
запах осенних дынь.

Тмин для меня душистый,
а для тебя – полынь.

Вырежу сердцевину,
дам настояться ей.

Выпить моей осине
сок твоих тополей.

Вызреет мякоть дыни...
Тополь осину жмет...

Запах степной полыни
тмину дышать дает.

Бог написал на глине:
«Время забыто ныне,
Время смывает нас».
Яблочный скоро спас.
Яблоки не созрели...
Это твои зардели
Щеки. Иконостас –
Я помолюсь о нас.

Нежно щебечет птица,
Плачет осенний клен.
Стану твоей синицей –
Быть тебе журавлем.

И, заливаясь трелью
После ночных ветров,
Лягу твоей постелью
Под ледяной покров.